ДИСКУРСИВНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ МИГРАНТА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ФАКТОР ЕГО СОЦИАЛИЗАЦИИ

Е. И. Ядченко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, jadtschenko@mail.ru*

В настоящей статье рассматривается проблема дискурсивного позиционирования мигранта в рамках его интеграции в новых социокультурных условиях. Статья демонстрирует индивидуальное исследование на материале интервью с турецким мигрантом, проживающим в Германии. Автор обращается к методике реконструкции адресата и коммуникативных стратегий из индивидуальной дискурсии респондента.

Ключевые слова: дискурс; критический дискурс-анализ; идентичность мигранта; дискурсивное предложение идентичности; дискурсивное пространство.

DISCURSIVE POSITIONING OF MIGRANTS IN CULTURAL SPACE AS A FACTOR OF ITS SOCIALIZATION

E. I. Yadchenko

*Belarusian State University,
4 Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus, jadtschenko@mail.ru*

This article examines the problem of the discursive positioning of a migrant within the framework of his integration in new socio-cultural conditions. The article demonstrates an individual study based on the material of an interview with a Turkish migrant living in Germany. The author turns to the method of reconstructing the addressee and communicative strategies from the individual discourse of the respondent.

Key words: discourses; Critical Discourse Analysis; identity of migrant; proposal of discursive identity; discursive space.

В настоящее время проблема дискурсивного позиционирования мигрантов в культурном пространстве представляет большой интерес для гуманитарной науки. Это связано, прежде всего, с глобальными миграционными процессами, которые происходят в современной Европе, а также с интересом к выработке оптимальных механизмов интеграции мигрантов в новых социокультурных условиях. Беларусь в этом отношении не является исключением, поскольку является экспортером образовательных услуг для иностранных студентов.

Целью данной статьи является описание механизма дискурсивного позиционирования мигранта как индивида, находящегося на перекрестке культур. Для реализации данной цели мы стремимся ответить на следующие вопросы: 1) какова взаимосвязь идентичности мигрантов с социокультурным устройством общества? 2) Как изменение жизненного пространства мигрантов влияет на трансформацию их идентичности? 3) Привлечение каких социокультурных теорий необходимо для максимально полного описания идентичности мигрантов?

С целью выявить взаимосвязь идентичности мигрантов с социокультурным устройством общества мы обращаемся к теории дискурса М. Фуко, которая активно развивается представителями *Дуисбургской школы Критического дискурс-анализа* [1], [2], [5], [7], [10].

Определяя границы двух значимых для идентичности мигрантов культурных пространств, С. Шелик проводит черту между «национальными дискурсами» [1, с. 77] и «немецкими дискурсами» [там же, с. 68]. Национальные дискурсы (мы обозначаем как *дискурсы пространства-донора*) представляют собой набор знаний, ценностей, оценок, полученных индивидом из культуры-донора (проживание и социализация до момента миграции либо опосредованно после миграции — через контакт с родителями, диаспорой и пр.). Под немецкими дискурсами (в нашей терминологии *дискурсы пространства-реципиента*) понимаются дискурсы современного немецкого общества [5], конфронтирующие с национальными дискурсами различных культурных сообществ в рамках нового социокультурного пространства и направленные на изменение систем знаний, оценок, ценностей индивида и его поведения (например, ношение хиджаба у мусульманских женщин, проживающих в современной Европе).

Поскольку мигранты «вплетены» в различные социокультурные дискурсивные образования они располагают определённым набором дискурсивных предложений идентичности [1, с. 66]. Какие-то из этих предложений они принимают, другие отклоняют. А специфику гибридной идентичности мигранта можно определить, по сути, степенью того, насколько он «расшифровал» и принял те значения, оценки, которые функционируют в новом для него обществе,

отказавшись при этом от значений, оценок, функционирующих в его национальном дискурсе и определявших его сознание до момента миграции. Задача исследователя — проанализировать и описать позиционирование мигрантов в контексте дискурсов пространства-донора и пространства-реципиента, посредством реконструкции значения и оценки. На операциональном уровне это может осуществляться посредством анализа коммуникативных стратегий и тактик, реализованных в дискурсе идентичности мигрантов.

В современной науке существует несколько определений коммуникативной стратегии. М. Л. Макаров, придерживающийся прагматического подхода в изучении данного понятия, предлагает трактовать его как «цель решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств» либо как «реализацию набора целей в структуре общения» [12, с. 137 – 138]. Т. А. ван Дейк описывает коммуникативную стратегию в рамках когнитивно-дискурсивного подхода как «некую общую инструкцию для каждой конкретной ситуации» [11, с. 274]. При этом посредством той или иной стратегии могут достигаться как какие-либо личные цели говорящего, так и общие социальные цели.

Коммуникативная стратегия всегда отличается гибкостью и динамикой, ведь в ходе общения она подвергается постоянной корректировке, непосредственно зависит от речевых действий оппонента и от постоянно пополняющегося и изменяющегося контекста дискурса. Специфика реализации коммуникативных стратегий в дискурсе мигрантов состоит в том, что они реализуются под влиянием набора значений, мнений, оценок о миграции и мигрантах, которые функционируют в общественном дискурсе принимающего государства и актуализированы в повседневном общении и СМИ. Так, позитивные оценки миграции и мигрантов стимулируют актуализацию таких коммуникативных стратегий, как желание интегрироваться (в ответ на мнение о мигрантах как социокультурном потенциале), экспликацию ценностно-поведенческих компромиссов (в ответ на значение о мультикультурализме как ценности). Негативные оценки стимулируют актуализацию таких коммуникативных стратегий, как самооправдание (в ответ на упрек о плохой интегрированности мигрантов в новое общество), самозащита (в ответ на расистские высказывания), экспликация желания вернуться на родину (в ответ на несправедливое отношение к мигрантам, дискриминацию) и пр.

Механизм реконструкции коммуникативно-стратегического позиционирования респондента рассмотрим на примере дискурсии. *Данные о респонденте*: Кемал, мужчина, 21 год, родился в Германии, этнический турок (мать выросла в Германии, отец мигрировал из Турции в возрасте 28 лет), в совершенстве владеет немецким языком, студент исторического факультета.

Будучи индивидом, формирующим свою идентичность из двух культурно-ценностных источников, респондент очень хорошо ориентируется в общественных дискурсах как пространства-донора, так и пространства-реципиента. В своей дискурсии он аналитичен, эксплицирует критический взгляд на реалии окружающего мира, стремясь выбрать из всех наборов предложений идентичности те, которые бы обеспечили ему психологический комфорт. На языковом уровне это актуализируется посредством дискурсивной структуры «Каждый должен выбирать для себя сам» (*Alles soll die eigene Entscheidung sein*). Тем самым респондент констатирует наличие выбора, представленного в различных дискурсивных предложениях идентичности. Дискурсивное позиционирование респондента рассмотрим на нескольких примерах.

В рамках темы «Семья» Кемал обращается к ситуации содержания пожилых людей в домах престарелых. Апеллируя к общественному дискурсу Германии, респондент воспроизводит общепризнанное мнение о том, что пожилые люди хорошо себя чувствуют в домах престарелых, что актуализируется посредством высказывания ‘Большинство людей в Германии думает...’ (*...weil die meisten in Deutschland denken sich, im Altersheim geht es meiner Mutter besser*). В качестве аргументов этого распространенного мнения выступает лексический компонент ‘там лучше ухаживают’ (*Dort hat man bessere Versorgung*). Вместе с тем, Кемал апеллирует к турецкому культурному дискурсу, транслирующему значение ‘Нехорошо отдавать своих родителей в дом престарелых’ (*Als Türke aus Prinzip würden wir sehr-sehr selten Ältere ins Altersheim geben*). Данное значение расширяется и дополняется посредством лексических компонентов ‘заботимся сами’, ‘помогаем сами’, ‘держимся вместе’, ‘мы ближе друг к другу’ (*Wir kümmern uns um die selber. // Und wenn man Probleme hat oder man krank ist, man hilft sich immer, man hält sich zusammen*). Кемал отмечает: ‘Я бы никогда не отдал свою мать в дом престарелых’ (*Ich würde meine Mutter nie ins Altersheim schicken*). Тем самым он позиционирует себя в рамках турецкой культуры.

Размышляя над своей идентичностью в теме «Самоидентификация», Кемал отдаёт приоритет психологическому комфорту. Так, он заявляет о том, что в Германии его никто не воспринимает турком, поскольку он ‘нормально выглядит’ и ‘нормально ведёт себя’, а его турецкое происхождение выдаёт только его фамилия. Под “нормальным” респондент понимает свободное владение немецким языком без акцента, позволяющее ему ощущать себя в пространстве Германии “своим”. Именно на основании этого критерия Кемал выносит себя за рамки пространства современной Турции, поскольку там его акцент выдаёт в нём иностранный культурный исток. Таким образом, он определяет себя как ‘*Almanger*’ (неологизм, возникший в турецком языке для обозначения выходцев из Турции, проживающих в Германии) и позиционирует себя в пространстве Германии посредством структуры ‘В любом случае я чувствую себя немцем’ (*Auf jeden Fall fühle ich mich Deutsch*).

Выбор респондентом немецкой идентичности реализуется также посредством принятия некоторых культурных особенностей Германии, контрастирующих с реальностью Турции. Так, хаотичное и плохо организованное транспортное движение в Турции Кемал определяет как ‘беспорядок’, а себя самого объективирует посредством лексических компонентов ‘типичный немец’, ‘слишком осторожный’, эксплицируя свою позицию переходить улицу исключительно на зелёный свет (*Wenn ich dort ein bisschen warte, mich ein bisschen zurückhalte, dann sagen sie sofort: typisch Deutscher! Zu vorsichtig!*).

Дискурсивное позиционирование респондента в пространстве Германии реализуется также и теме «Отдых и досуг». Так, обращаясь к турецкой культурной традиции проводить лето в турецкой деревне, Кемал противопоставляет себя своему отцу, заявляя ‘это для меня не отпуск’ (*Für mich ist das kein Urlaub*). Вынесение себя за рамки турецкого культурного пространства осуществляется на основании признака “активность/пассивность”. Так, негативная оценочность, спроецированная на традиционный турецкий досуг, реализуется посредством лексических компонентов ‘скучный’, ‘отрешенный от мира’, ‘там нечего делать’ (*Dann ist es echt langweilig*). А своё ценностное самоопределение Кемал актуализирует посредством компонентов ‘читать книги’, ‘продолжать образование’, сопряженное с модальностью желания (*Ich möchte Bücher lesen und mich weiter bilden und nicht einfach so hier liegen*).

Вместе с тем, дискурсивное позиционирование мигранта не всегда осуществляется однозначно по чётко заданным критериям и нередко реализуется как позиционирование в зависимости от ситуации. Это наглядно демонстрирует следующий отрезок дискурсии, реализованный в тематическом блоке «Внешность мусульманской женщины». Так, эксплицируя свою позицию по отношению к хиджабу как обязательному элементу одежды мусульманской женщины, Кемал акцентирует приоритет личного выбора женщины, что отражают компоненты ‘сама решает’, ‘как она сама чувствует’ (*Das muss man halt selber entscheiden*). В качестве примера он приводит свою семью, в которой некоторые женщины носят хиджаб, а некоторые нет. Вместе с тем, он подчёркивает, что критерием для самоопределения женщины должно быть чувство её психологического комфорта, что объективируется посредством союза “если”. Так, если женщина в хиджабе ‘чувствует дискриминацию’, ‘с ней не хотят иметь дело’, то она может решить ‘больше не носить хиджаб’ либо ‘игнорировать общественное мнение’ и продолжать носить хиджаб (*Wenn du ein Kopftuch trägst und dabei diskriminiert wirst, dann trägst du kein Kopftuch*). Тем самым респондент релятивирует значение влияния общественного мнения на выбор индивида, сводя его до уровня отдельных ситуативных проявлений.

Таким образом, дискурсивное позиционирование мигрантом себя в культурном пространстве осуществляется посредством коммуникативного вписывания в это пространство. Выбирая для себя то или иное пространство как приоритетное, мигрант ориентируется в разные периоды своей жизни в миграции на такие характеристики, как психологический комфорт/дискомфорт, наличие условий для своей жизнедеятельности и развития, диссонанс ценностных установок прежнего и нового пространства. Все перечисленные характеристики проявляются в условиях взаимодействия с другими индивидами, в процессе которого осуществляется конфронтация дискурсивно-ценностных установок прежнего и нового мира. Иначе, мигрант подвергается гибридизации, принимая либо отвергая дискурсивные предложения идентичности, поступающие из пространства-донора либо пространства-реципиента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Çelik, Semra. Grenzen und Grenzengänger. Diskursive Positionierungen im Kontext türkischer Einwanderung. — Münster: Unrast, 2006.
2. Diaz-Bone, Rainer. — Probleme und Strategien der Operationalisierung des Diskurses im Anschluss an Michel

- Foucault. / Das Wuchern der Diskurse. Perspektiven der Diskursanalyse Foucaults. — Frankfurt/New York, 1999. — S. 119—135.
3. Foucault, Michel. Dispositive der Macht. Über Sexualität, Wissen und Wahrheit. — Berlin, 1978a.
 4. Foucault, Michel. Archäologie des Wissens. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002.
 5. Jäger, Margarete. Einwanderung im deutschen Alltagsdiskurs. Eine diskursanalytische Untersuchung. — Münster: Unrast, 2008.
 6. Jäger, Siegfried. Kritische Diskursanalyse: Eine Einführung. — Duisburg: DISS Studien, 2001.
 7. Jäger, Siegfried/Zimmermann, Jens (Hg.). Lexikon Kritische Diskursanalyse. Eine Werkzeugkiste. — Münster: Unrast, 2010.
 8. Jäger, Siegfried / Januschek, Franz. Der Diskurs des Rassismus. — Münster: Unrast, 2006.
 9. Link, Jürgen. Kleines Begriffslexikon. In: kultuRRevolution, Nr.11, Februar 1986. — С.71.
 10. Wamper, R., Jadtchenko, E., Jacobsen, M. „Das hat doch nichts mit uns zu tun“: Die Anschläge in Norwegen in deutschsprachigen Medien. — Münster: Unrast-Verlag, 2011.
 11. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. — М. : Прогресс, 1989. — 312 с.
 12. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003 — 280 с.